

КОРАНЪ.

Съ именемъ Магомета связывается мысль о коранѣ, какъ книгѣ, въ которой онъ изложилъ или въ которой изложено его ученіе. Несомнѣнно, коранъ есть созданіе Магомета, созданіе его не въ меньшей, а даже въ большей степени, чѣмъ, напр., Гамлетъ или Макбетъ являются созданіями Шекспира. Но если драмы Шекспира исчерпываютъ его дѣло или то, что французы называютъ *oeuvre*, то никакъ нельзя сказать, что коранъ, т. е. изложеніе ученія Магомета, было исчерпывающимъ его *oeuvre*омъ. Исторія религій учитъ насъ, что въ дѣлѣ образованія и развитія религиозныхъ общинъ вообще мало имѣло значенія, что написалъ или что непосредственно записали за какимъ-либо религиознымъ реформаторомъ, важны были всегда личность реформатора или основателя общины и его дѣла. Если бы не было Магомета и если бы коранъ упалъ съ неба именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имѣется у арабовъ, и всѣ арабы знали бы, что онъ дѣйствительно имѣетъ сверхъестественное происхожденіе, можно рѣшительно утверждать, что на арабскомъ полуостровѣ не произошло бы никакого ни религиознаго, ни политическаго движенія, и много, много, что, пожалуй, съ горяча арабы повыкинули бы идоловъ изъ каабы и другихъ святилищъ, чтобы потомъ пожалѣть объ этомъ. Религія—не философія. Если въ философіи автора закрываетъ книга, и мы знаемъ лишь сочиненія Гегеля, но намъ не нужно знать Гегеля, то въ религій, наоборотъ, авторъ закрываетъ книгу, и кто знаетъ жизнь и дѣла Магомета, коранъ немного поможетъ тому понять вѣро-и-правоученіе ислама.

Дѣло, *oeuvre* Магомета, это созданіе имъ религиозной об-

щины. Исповѣданіе вѣры этой общины можно выразить въ нѣсколькихъ короткихъ предложеніяхъ, которыя легко можетъ затвердить и навсегда удержать самая слабая память. Можно утверждать, что краткость исповѣданія есть даже необходимое условіе успѣха религіозной пропаганды. Вольтеръ сказалъ, что революцію можетъ произвести книга стоящая нѣсколько су, какъ, наприм. Евангеліе, и ее никогда не могутъ произвести книги, стоящія сотни франковъ, какъ, напр., французская энциклопедія. Въ этихъ словахъ заключается много истины. Но истиной является также и то, что всякое исповѣданіе вѣры развивается и разрастается какъ въ историческомъ, такъ и догматическомъ отношеніи. Изъ краткой формулы вырастаетъ книга, потомъ десятки и сотни книгъ. Среди религій исламъ представляетъ особенный интересъ для изслѣдователя тѣмъ, что въ немъ первая и важнѣйшая книга—коранъ является всецѣло дѣломъ его основателя. Этого нѣтъ ни въ религіи Будды, ни въ религіи Зороастра, ни въ религіи Лао-тци и, этого не чувствуется и въ „кингахъ“ Конфуція. Коранъ—другое дѣло. Духомъ Магомета вѣетъ отъ каждой его суры. Окончательная кодификація корана совершилась около 651 г., Магометъ умеръ въ 632, не прошло 20 лѣтъ со смерти основателя религіи, какъ его ученіе уже отлилось въ навѣки окристаллизовавшуюся форму.

Слово „коранъ“ значить чтеніе, изученіе, ученіе, оно происходитъ отъ еврейскаго кара — читать. Буквально слово „коранъ“ можно перевести лекція и точно передать смыслъ слова, прибавивъ — лекція, составленная по божественному откровенію и подъ божественнымъ воздѣйствіемъ. Каждое откровеніе, когда излагалось Магометомъ общинѣ, являлось кораномъ—лекціей, но въ концѣ концовъ именемъ корана стали называть всю совокупность откровеній, полученныхъ Магометомъ. Коранъ раздѣляется на 114 суръ или главъ. Сура или Шура, какъ и коранъ, еврейское слово, оно означаетъ рядъ камней въ стѣнѣ, строчку въ письмѣ, но какъ кораномъ стали называть совокупность корановъ, такъ и сурою—совокупность суръ, т. е. строчекъ, и одна сура (2-я) заключаетъ въ себѣ 286 стиховъ, изъ каковыхъ нѣкоторыя (наприм. 282) заключаетъ до 23 строкъ. Кораны Магомета записывались его слушателями и почитателями на отдѣль-

ныхъ листкахъ или подъ его диктовку или тою прогію. Многіе добрые мусульмане совершенно неграмотные знали наизусть многіе кораны. Но эти непосредственные и вѣрные ученики пророка въ 633 г. были большею частію перебиты въ борьбѣ съ лжепророкомъ Мосейлимою. Нужно было позаботиться о сохраненіи письменной редакціи корана. Рѣшили собрать находившіеся въ частныхъ рукахъ кораны, чтобы изъ нихъ составить коранъ. Преемникъ Магомета по государственному и религіозному управленію общиной Абу-Бекръ поручилъ это дѣло Зейду. Зейдъ взялся за него очень неохотно, но успѣшно его выполнилъ. Однако рядомъ съ кораномъ редакціи Зейда, принятой Абу-Бекромъ существовали варианты и дополненія въ частныхъ рукахъ. Возникали разногласія и споры. Чтобы уничтожить ихъ, рѣшили составить каноническую редакцію корана. Говорятъ, что она была составлена такимъ образомъ. Были отобраны всѣ имѣвшіеся у отдѣльныхъ лицъ листы корана и затѣмъ, когда коранъ былъ редактированъ, всѣ варианты были уничтожены. Если принять, что Зейдъ въ канонической редакціи точно повторилъ первую редакцію, то тогда получимъ, что дѣло изданіе каноническаго корана было чрезвычайно простымъ, оно было простымъ дѣломъ уничтоженія. Уничтоженіе во всякомъ случаѣ совершено было очень успѣшно. Коранъ, одна изъ немногихъ священныхъ книгъ, не имѣющихъ вариантовъ. Разумѣется, уничтоженіе вариантовъ текста не уничтожило вариантовъ пониманія. Коранъ понимается и толкуется различно. Но важно уже и то, что относительно объекта пониманія не поднимается споровъ.

Арабы въ средніе вѣка занимались разработкою логики, но коранъ Магомета не даетъ предчувствовать, что народъ, у котораго создалась эта книга, впоследствии будетъ трактовать о системахъ, опредѣленіяхъ и доказательствахъ. Коранъ не знаетъ системы, не знаетъ послѣдовательности, ему чужды требованія связи между предыдущимъ и послѣдующимъ, единства содержанія въ отдѣлѣ. Это очень понятно. Имѣя въ виду раскрыть какое-нибудь положеніе, Магометъ высказывалъ, развивалъ его и затѣмъ по случайно представившемуся поводу, по личному вдохновенію онъ присоединялъ новые стихи, имѣющіе для себя психологическое объясненіе, но въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ стихамъ со-

всѣмъ не имѣющіе логическаго оправданія. Поэтическія созданія древнихъ отражаютъ въ себѣ естественную мысль человѣка, постоянно перебѣгающую съ предмета на предметъ и управляемую естественными ассоціаціями. Наши книги не отражаютъ въ себѣ теченія нашей мысли, мы выбрасываемъ на бумагѣ все не относящееся къ дѣлу. Поэтому въ современныхъ сочиненіяхъ очень трудно искать процесса, которымъ человѣкъ дошелъ до извѣстныхъ тезисовъ, сочиненія даютъ только результаты процессовъ. На первичной ступени развитія человѣкъ не стѣсняется показывать другимъ, какимъ на самомъ дѣлѣ сумбурнымъ путемъ можетъ двигаться мысль. Ёдущій дикарь поетъ, находя постоянно новый матеріаль для пѣсни въ окружающей природѣ. Увидаль березу, поетъ: вотъ стоитъ береза; мелькнула предъ нимъ лисица, онъ поетъ: какъ бы хорошо было поймать ее. Коранъ Магомета стоитъ на промежуточномъ пути между безыскусственной пѣснью дикаря и нашими трактатами, и его языкъ представляетъ собою переходъ отъ поэзіи къ прозѣ. Этотъ языкъ совершенно справедливо уподобить нашимъ раешникамъ съ тою разницею, что въ коранѣ вмѣсто вульгарной насмѣшки обыкновенно слышится неподдѣльное благоговѣніе. Вотъ стиль — хотя и не буква корана. „Клянусь пышнымъ дня сіяніемъ и тихой ночи обаяніемъ. Господь тебя, вѣдь, не оставилъ и милости своей. Онъ не убавилъ. Поистинѣ конецъ — всему началу вѣнецъ. Онъ благомъ даритъ обильнымъ, на вѣки сдѣлаетъ Онъ сильнымъ. Не сиротой ли Онъ тебя нашель? взыскаль бездомнаго, на вѣрный путь повель. Не бѣднымъ ли тебя Онъ повстрѣчалъ? и вотъ—тебѣ богатство далъ. И ты сиротъ не притѣсняй, просящему немедленно подай. И благость Божью прославляй“ (см. 93 суру). Отъ чистаго стиха Магометъ пришелъ къ рѣмованной прозѣ и затѣмъ къ прозѣ чистой. Ренанъ считаетъ его творцомъ послѣдней въ арабскомъ языкѣ.

Если Магометъ, возвѣщая откровенія, непринужденно переходилъ отъ одного предмета къ другому, то тѣмъ болѣе непринужденно его почитатели записывали на своихъ листкахъ его различныя откровенія, не дѣлая отмѣтокъ о различіи времени и обстоятельствъ произнесенія. И вотъ — въ такомъ хаотическомъ видѣ Зейдъ получилъ записи корана,

чтобы изъ нихъ составить незыблемую священную книгу. Чѣмъ руководился онъ при распредѣленіи откровеній? Полагаютъ, что этотъ арабскій мыслитель поступилъ очень просто, онъ избралъ принципъ длины: чѣмъ длиннѣе сура, тѣмъ она ближе къ началу. Однако первая сура—очень короткая (7 ст.)—выдвинута, очевидно, по другому принципу, она представляетъ молитву постоянно читаемую мусульманами и обладающую по ихъ представленіямъ особенною дѣйственностію. Эта сура имѣетъ много наименованій (сура, заключающая въ себѣ всѣ прочія, сура достаточная, сура хвалы, милосердія, молитвы, мать корана, мать книги). Но за нею суры располагаются по убывающему количеству стиховъ, лишь съ весьма незначительными отступленіями.

Если въ коранѣ нѣтъ системы, то ничто, конечно, не препятствуетъ каждому привести въ таковую его содержаніе, распредѣлить по рубрикамъ, раздѣлить догматическіе, правоучительные и историческіе элементы. Было сдѣлано много попытокъ расположить коранъ по принципу хронологическому, при чемъ довольно наивно предполагалось, что Магометъ Мекки (начала) и Магометъ Медины (конца)—два разныхъ Магомета, разнo учившіе и разнo излагавшіе свои мысли, первый — энтузіастъ, лирикъ, второй — значительно остывшій и даже нѣсколько плутоватый моралистъ. Позволительно думать, что такія предположенія скорѣе помѣшаютъ правильному пониманію ислама, чѣмъ будутъ ему способствовать. Магометъ выступилъ проповѣдникомъ не 20, а 40 слишкoмъ лѣтъ, его возрѣнія, вѣрованія, чувства сформировались и окрѣпли, по частнымъ вопросамъ и пунктамъ онъ могъ мѣнять рѣшенія и взгляды, но въ общемъ и основномъ онъ не могъ мѣняться. Въ коранѣ находятъ несогласованность, пытаются указывать противорѣчія и отсюда дѣлаютъ выводы, что такія мѣста корана созданы въ различныя эпохи, и, такъ сказать, различными Магометами, т. е. что они обусловливаются переменною убѣжденіемъ арабскаго пророка. Но такъ ли это? Не заключаютъ ли взгляды каждаго изъ насъ въ каждый данный моментъ много несогласованнаго и противорѣчиваго? Человѣкъ ограниченъ, его отдѣльныя сужденія обыкновенно опредѣляютъ отдѣльную сторону предмета и взятыя обособленно кажутся противорѣчивыми, когда на самомъ дѣлѣ они только восполняютъ

одно другое, а порою обнаруживаютъ безсиліе мысли найдти выходъ изъ лабиринта антиномій. Не нужно спѣшить искать противорѣчій въ коранѣ, не нужно спѣшить соглашать и примирять его суры между собою, нужно пытаться понять психологію создателя корана, понять, почему изъ однихъ и тѣхъ же устъ и повидимому за одно и то же раздавались то благословенія, то проклятія, понять, почему одинъ и тотъ же голосъ призывалъ то къ безпредѣльному прощенію и милосердію, то къ безчеловѣчной мести. Безъ сомнѣнія, это трудно, и потомъ въ концѣ концовъ такое истолкованіе личности и книги всегда окажется субъективнымъ. Но все-таки, кажется, это есть единственный путь для получения правдоподобныхъ выводовъ.

Наиболѣе яснымъ и безспорнымъ пунктомъ въ коранѣ является ученіе о единомъ Богѣ. Есть единый Богъ милосердый и милостивый. Во имя этого Бога даны всѣ суры корана (только 9-я сура не предваряется этимъ надписаніемъ). Во имя Бога милосердаго и милостиваго — *бисмилляги ррагимани ррагимъ*. *Рагминъ* значитъ милосердый ко всѣмъ безразличія, *рагимъ* — милосердый къ заслуживающимъ милосердія. „Богъ, нѣтъ другого Бога кромѣ Его. За нимъ всѣ лучшія имена“ (сура 20, 7). Истинный Богъ есть *Аллахъ*, боги ложные и даже понятіе божества обозначается словомъ *иллахъ*. „Я—Богъ, нѣтъ другого бога кромѣ меня, говорится далѣе въ той же сурѣ (14). Такъ почитай меня и въ воспоминаніе обо мнѣ твори молитву“. „Не полагай на ряду съ Богомъ другихъ боговъ, ибо будешь низверженъ въ геенну, покрытый срамомъ и презрѣніемъ. Изберетъ ли васъ Богъ случайно въ сыновья и возметъ ли дѣвушекъ въ ангелы? Вы произносите этимъ страшное слово“ (17, 41—42). Ему (Богу) принадлежитъ всякое существо на небѣ и на землѣ. Тѣ, которые подлѣ него, не пренебрегаютъ поклоняться Ему и не пропускаютъ этого. Они прославляютъ хвалы Его днемъ и ночью; они ничего не выдумаютъ на Его счетъ. Взяти ли они богами на землѣ, боговъ способныхъ воскрешать мертвыхъ? Еслибы былъ другой богъ кромѣ Его на небѣ и на землѣ, то они уже погибли бы. Слава владыки трона выше, что Ему приписываютъ..... Ангелы поклоняются ли другимъ божествамъ кромѣ Бога“ (сура 21, 19 — 24)? Идея Бога, по мысли Магомета, неизбѣжно соединяется съ идеею единства.

Если бы рядомъ съ Богомъ были другіе боги, возникла бы борьба, повидимому, долженъ бы былъ разрушиться міръ, въ концѣ концовъ высочайшій Богъ долженъ бы былъ восторжествовать, и всѣ боги кромѣ одного должны погибнуть. Если это такъ, то мысль о томъ, что Богъ не одинъ является богохульствомъ. Но это утверждаютъ язычники, воздвигающіе идоловъ многимъ богамъ и христіане, учащіе о Троичности. Противъ язычниковъ Магометъ направилъ приведенные выше 19—23 ст. 53 суры, которые по преданію ему лучше было бы направить противъ самого себя, такъ какъ передъ этимъ онъ будто бы готовъ былъ вмѣстѣ съ мекканцами почитать ихъ боговъ. Противъ христіанъ направлены многія мѣста корана. Таковою является вся (кратчайшая) 112 сура. „Скажи: Богъ Единъ. Это Богъ, къ Кому всѣ существа обращаются въ своихъ нуждахъ. Онъ не родилъ и не былъ рожденъ. Онъ не имѣетъ Себѣ равнаго въ чемъ бы то ни было“., О вы, получившіе писанія, не измѣняйте въ вашей религіи истинной вѣры, не говорите о Богѣ кромѣ истины. Мессія Иисусъ, сынъ Маріи, посланникъ Бога и Его слово, которое Онъ бросилъ въ Марію. Онъ духъ происходящій отъ Бога. Вѣруйте въ Бога и Его посланниковъ, и не говорите: есть Троица. Перестаньте это дѣлать. Это вамъ будетъ выгодно, ибо Богъ единъ. Слава Ему: какъ у него будетъ сынъ? Ему принадлежитъ все, что на небесахъ и на землѣ. Его покровительства достаточно. Довольно имѣть покровителемъ Бога. Мессія не пренебрегаетъ быть Слугою Божиимъ, не болѣе какъ ангелы приближающіеся къ Богу“ (4, 169—170). „Невѣрный тотъ, кто говоритъ: Богъ—третій изъ Троицы, между тѣмъ какъ нѣтъ Бога кромѣ Единого Бога. Если они не перестанутъ навѣрное страшное наказаніе ожидаетъ невѣрныхъ. Не возвратятся ли они къ Господу, не будутъ ли они умолять о прощеніи? Онъ терпѣливъ и милосердъ. Мессія, сынъ Маріи, былъ только посланникъ; другіе посланники Ему предшествовали. Его мать была правая. Они питались кушаньями“ (5, 77—79). „Они (христіане) говорятъ: Богъ имѣетъ сына. По славу (собганагу: это хула на славу Божию) нѣтъ. Скажите лучше: все, что есть на небесахъ и на землѣ, принадлежитъ Ему и все Ему повинуется“ (2, 110). Можно предположить, что христіанское ученіе было изложено Магомету въ неправильномъ

освѣщеніи, ученіе о тринчности лицъ развивали предъ нимъ въ ущербъ ученію о единствѣ существа, можетъ быть передававшіе ему это ученіе и сами представляли его неясно и неправильно. Благочестіе Магомета глубоко могло оскорбиться кажущимся политеизмомъ ученія. Политеизмъ ограничиваетъ Божество и для того, кто глубоко воспринялъ мысль о Божествѣ, онъ является отталкивающимъ и богохульнымъ. Видно, объ Иисусѣ Христѣ Магомету говорили много хорошаго и поэтому Магометъ нигдѣ не учитъ, что Иисусъ присвоилъ себѣ непринадлежащее божеское достоинство. Таковое приписали Ему христіане. Напротивъ, Магометъ обращаетъ въ свою пользу пророчество Иисуса Христа о ниспосланіи утѣшителя (Еванг. Іоан. 15, 26; 16, 13). Въ коранѣ говорится слѣдующее: „Иисусъ, сынъ Маріи, говорилъ своему народу: о дѣти Израиля, Я посланный къ вамъ апостоль Божій для подтвержденія пятокнижія, которое дано вамъ до меня и для объявленія вамъ о приходѣ послѣ меня посланника, котораго имя будетъ Ахметъ“ (Ахметъ одного корня съ Магометъ, значитъ славный). Христіане, возвысивъ Иисуса до Бога, оскорбили Бога; евреи, не принявшіе посланника Божія (Магомета), о которомъ возвѣщалось въ ихъ книгахъ, тоже оскорбили Бога, отсюда становится понятнымъ слѣдующее наставленіе корана: „о вѣрующіе, не избирайте друзьями жидовъ и христіанъ; они друзья одни другимъ. Тотъ, кто приметъ ихъ за друзей, кончитъ сходствомъ съ ними, а Богъ не будетъ путеводителемъ нечестивыхъ“ (сур. 5, 56).

Богъ единъ. Какъ единственный, онъ есть начало и конецъ всего. „Онъ первый и послѣдній внутренній и внѣшній (невидимый и видимый). Онъ знаетъ все“ (сур. 57, 3). Все существующее есть созданіе Божіе. „Мы сотворили, говоритъ о Себѣ Богъ, небеса и землю и все пространство, которое раздѣляетъ ихъ, въ 6 дней. На насъ не напала усталость“ (сур. 50, 37). Эта послѣдняя антропоморфная фраза представляетъ собою наивное выраженіе и утвержденіе теистической мысли, что Богъ есть не устроитель (деміургъ), а творецъ вселенной. Онъ творитъ изъ ничего, твореніе ничего не прибавляетъ къ Нему и ничего не отнимаетъ отъ Него, поэтому творческій актъ или творческіе акты и не вызываютъ въ Немъ усталости. Такъ за этою человѣкообразною фразою наивнаго

араба скрывается болѣе возвышенное, чистое и достойное представление Божества, чѣмъ за длинными схемами пантеистическихъ опредѣленій разрѣшающихъ Бога или въ ничто или въ какую-то фантастическую потенцію міра. „Это Богъ отдѣляетъ плодъ отъ ядра; Онъ повелѣваетъ выходить жизни изъ того, что умерло, и смерти изъ того, что живо. Таковъ Богъ. Зачѣмъ же вы отвращаетесь отъ Него? Онъ повелѣлъ мерцать зарѣ; Онъ установилъ ночь для отдыха и солнце и луну для счисленія времени. Таково опредѣленіе мудраго, знающаго. Это Онъ, Который помѣстилъ звѣзды (на небѣ) для васъ, чтобы вы направлялись въ темнотѣ на землѣ и на моряхъ. Мы вездѣ повелѣли сіять знаменіямъ для тѣхъ, которые понимаютъ. Это Онъ, кто произвелъ все отъ одного человѣка; вы имѣли вмѣстилища въ чреслахъ отцовъ вашихъ и залогъ въ утробахъ вашихъ матерей. Мы явили знаменія для тѣхъ, которые понимаютъ. Это Онъ, Кто повелѣваетъ сходить водѣ съ неба. Ею мы заставляемъ произрастать зелени всякаго растенія, ею мы производимъ стволы, откуда вырастаютъ помѣщенныя родами зерна, и пальмы, вѣтви которыхъ даютъ великія кисти, и сады усѣянные виноградомъ и маслины и гранаты, которые сходствуютъ и различествуютъ одни съ другими. Бросьте взгляды на ихъ плоды, рассмотрите ихъ плодоносіе и ихъ спѣлость. Навѣрное во всемъ этомъ есть знаменія тѣмъ, которые понимаютъ. Они (язычники) присоединяютъ къ Богу геніевъ, между тѣмъ какъ Онъ создалъ ихъ; по своему невѣдѣнію они выдумываютъ Ему сыновей и дочерей. Слава Ему. Онъ много выше того, что Ему приписываютъ. Творецъ неба и земли, какъ бы Онъ имѣлъ дѣтей. Онъ, у Котораго нѣтъ товарища, Который сотворилъ всѣ предметы, который знаетъ всѣ предметы? Это Богъ, вашъ Господь, нѣтъ другого Бога кромѣ Его. Творецъ всѣхъ предметовъ. Почитайте Его. Онъ смотритъ за всѣми предметами. Взоры людей не могутъ Его коснуться. Онъ касается взорами всего. Проницательный, вѣдущій“ (сур. 6, 95—103). „Клянусь, говоритъ Богъ,..... что мы сотворили человѣка прекраснѣйшимъ образомъ“ (по образу—прямымъ, съ красивымъ лицомъ, сур. 95, 1 и 4). „Я сотворилъ людей и геніевъ только затѣмъ, чтобы они Мнѣ поклонялись“ (сур. 51, 56). Но если всѣ созданы для поклоненія Богу или для прославленія Его, то

почему же многіе не поклоняются Ему, не почитаютъ Его, не исполняютъ Его велѣній? На этотъ важный вопросъ дается отвѣтъ въ 15 сурѣ. „Мы, говоритъ Богъ, установили на небесахъ знаки зодіака и расположили ихъ въ порядкѣ для тѣхъ, которые смотрятъ. Мы защищаемъ ихъ отъ прикосновенія всякаго бѣса побитаго камнями (Авраамъ по мавретанскому преданію отбилъ камнями искушавшаго его діавола). Если онъ подкрадется для подслушиванія тайно и тогда отмѣчается видимою для всѣхъ огненною чертой. Мы распростерли землю и набросали по ней горы и повелѣли произойти всѣмъ вещамъ въ извѣстномъ размѣрѣ. Мы посылаемъ оплодотворяющіе вѣтры, мы низводимъ съ неба воду, которою васъ напоаемъ и которую вы не сохраняете. Мы повелѣваемъ жить и повелѣваемъ умирать, мы одни все наслѣдуемъ. Мы знаемъ тѣхъ изъ васъ, которые идутъ впередъ и которые остаются сзади. Господь вашъ нѣкогда соберетъ васъ. Онъ мудръ и знающъ. Мы сотворили человѣка изъ персти, которую обрабатываютъ. До него мы уже создали геніевъ изъ тонкаго огня. Вспомни, какъ Богъ сказалъ ангеламъ: Я сотворилъ человѣка изъ персти, изъ той глины, которую обрабатываютъ. Когда я образую его и вдохну въ него мой духъ, простритесь предъ нимъ, поклоняясь Ему. И ангелы простерлись всѣ, всѣ, исключая Эблиса; онъ отказался быть съ тѣми, которые преклонялись. Тогда Богъ сказалъ ему: О Эблись, зачѣмъ ты не съ тѣми, которые простирались? Я не преклонюсь предъ человѣкомъ, котораго Ты сотворилъ изъ персти, изъ той глины, которую обрабатываютъ. Богъ сказалъ ему: теперь пошелъ ты вонъ побитый камнями. Проклятіе отяготѣетъ надъ тобой до дня воздаянія. Онъ отвѣчалъ: о Господи, дай мнѣ отсрочку до дня, когда люди будутъ воскрешены. Богъ сказалъ ему: отсрочка дана тебѣ до дня предназначеннаго предѣла. Господи, сказалъ Эблись, такъ какъ Ты меня провелъ, я прикрашу (грѣхъ?) для нихъ на землѣ и постараюсь ихъ провести кромѣ искреннихъ твоихъ слугъ. Богъ отвѣчалъ: это точно истинный путь, ибо ты не имѣешь никакой власти надъ моими слугами, ты будешь имѣть ее надъ тѣми, которые за тобой послѣдуютъ и заблудятся. Геенна есть обѣщанное всѣмъ имъ мѣстопребываніе“ (сур. 15, 16—43). Это повѣствованіе о паденіи Эблиса (діавола), которое имѣло своимъ

слѣдствіемъ и паденіе людей, многократно повторяется въ коранѣ (сур. 2, 32; 7, 10; 17, 63, 65; 18, 48; 20, 115; 26, 95; 34, 19; 38, 74). Оно содержитъ утверженіе, что дьяволъ палъ гордостью и что онъ намѣтилъ себѣ цѣль склонять людей къ паденію. Во второй сурѣ говорится объ Адамѣ и его супругѣ: „сатана заставилъ ихъ поскользнуться и заставилъ удалиться изъ мѣста, гдѣ находились“ (34). Среди арабистовъ довольно распространено мнѣніе, что парсизмъ оказалъ значительное вліяніе на исламъ, какъ онъ оказалъ такое и на еврейскую религію. Трудно понять, чѣмъ поддерживалась и какъ могла имѣть жизненность такая странная теорія. Вѣдь, Эблисъ—явный сколокъ библейскаго демона—имѣетъ очень мало сходнаго съ персидскимъ Ангро-майянусомъ. Тамъ злой принципъ изначаленъ, здѣсь онъ является производнымъ. Тамъ Ангро-майянусъ безусловно неподчиненъ Агура-маздѣ (благому Богу). Здѣсь вездѣ утверждается, что Эблисъ созданъ Творцомъ, зависитъ отъ Него и лишь по его милости получаетъ свою ограниченную и сомнительную власть. Нѣкоторые (наприм., Дози) говорятъ о какомъ-то изначальномъ монотеизмѣ персовъ, каковой существовалъ въ эпоху ахеминидовъ и каковой будто бы вліялъ на Библию. Но если бы проблематическій монотеизмъ эпохи ахеминидовъ былъ и дѣйствительнымъ фактомъ, то и тогда онъ никакъ не могъ вліять на возникновеніе и утверженіе чистаго монотеизма у арабовъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ за много вѣковъ до Магомета у персовъ былъ дуализмъ. Зло есть временное поущеніе Божіе. Такова идея корана. Ни въ какихъ вѣрованіяхъ арійскихъ народовъ и ни въ какой изъ древнѣйшихъ эпохъ не встрѣчается такого утверженія. Тамъ зло утверждается, какъ изначальный фактъ, и только послѣдующая мысль пыталась дать его генезисъ (напр., сказаніе о жертвахъ Царвана у персовъ, не имѣющее ничего сходнаго съ представленіями корана). Ученіе корана о злѣ, правда, совершенно несамобытно, оно—отзвукъ христіанскихъ и еврейскихъ рѣчей, раздававшихся на арабскомъ полуостровѣ и услышанныхъ и переработанныхъ Магометомъ. Богъ говоритъ Магомету: „если съ тобою случится какое добро, оно идетъ тебѣ отъ Бога. Зло идетъ отъ тебя“ (4, 81). Если зло не отъ Бога, а всѣ твари—созанія Божіи, то значить, зло есть актъ свободы тварей. Богъ по-

пускаетъ это злоупотребленіе свободой. Обращаясь къ Магомету, Онъ говоритъ: „удаленіе невѣрныхъ отъ истины гнететъ тебя; навѣрное, если бы ты могъ, пожелалъ бы сдѣлать яму въ землѣ или лѣстницу для восхожденія на небо, чтобы произвести для нихъ какое-либо чудо. *Если бы Богъ захотѣлъ, то они все соединились бы на пути правомъ.* Не будь только въ числѣ незнающихъ“ (сур. 6, 35). „Если бы Богъ захотѣлъ, то сдѣлалъ бы изъ всѣхъ васъ одинъ народъ; но Онъ хотѣлъ испытать вашу вѣрность въ соблюденіи того, что далъ вамъ. Спѣшите охотно одни за другими къ добрымъ дѣламъ; вы все возвратитесь къ Богу; Онъ Самъ разъяснитъ предметъ вашего спора“ (сур. 5, 53). „Если бы Богъ захотѣлъ, то составилъ бы изъ васъ одинъ народъ; но Онъ кого хочетъ, заблуждаетъ и кого хочетъ, направляетъ; нѣкогда у васъ спросятъ отчетъ о вашихъ дѣйствіяхъ“ (сур. 16, 95). Какъ понимать это выраженіе: „кого хочетъ, заблуждаетъ, и кого хочетъ, направляетъ“? Буквальный смыслъ его несомнѣнно тотъ, что Богъ, кого хочетъ губить, кого хочетъ, спасаетъ. Въ этихъ и подобныхъ этому выраженіяхъ корана, говорящихъ, повидимому, о томъ, что Богъ столько же ведетъ на путь грѣха, сколько и на путь добра, находятъ основанія для теоріи, что по ученію корана Аллахъ стоитъ выше правды и неправды и что конечная участь людей зависитъ не отъ ихъ свободы, а отъ божественнаго произвола. Это утверждаютъ относительно ислама многіе христіанскіе богословы. Имъ не мѣшало бы помнить, что въ христіанской религіи есть исповѣданіе также поставившее Бога выше правды и неправды и разившее теорію о безусловномъ предопредѣленіи. Это—исповѣданіе кальвинистическое. Оно пытается утверждаться на ученіи св. апост. Павла (отчасти на 8 и особенно на 9 гл. послан. къ Римлянамъ). Библія употребляетъ такіа выраженія: „Богъ ожесточилъ сердце фараона“. Достаточно прочитатъ исторію этого фараона, чтобы видѣть, что божественный промыслъ вразумлялъ египетскаго владыку и что только его крайнее упорство въ своемъ ожесточеніи имѣло своимъ послѣдствіемъ, что Богъ попустилъ фараону остаться въ его ожесточеніи. Мысль о Богѣ, стоящемъ выше правды и неправды, равнодушно и безстрастно являющемся причиною блаженства и страданія тварей, есть абстрактная философская мысль, и

мы лично склонны думать, что она и возникла и развилась на арийской почвѣ. Въ мифологіи жизнерадостной Эллады скорѣе можно найдти сказанія о дикомъ фатумѣ, чѣмъ въ мрачномъ коранѣ; припомнимъ о Эдипѣ. Оракуль предсказываетъ, что у Фиванскаго царя Лая родится сынъ, который убьетъ отца и женится на матери. Своимъ предсказаніемъ оракуль направляетъ дѣло такъ, чтобы предсказаніе осуществилось. Лай хочетъ убить родившагося ребенка. Пастухъ, которому это поручено, оставляетъ его въ живыхъ. Ребенокъ вырастаетъ, не зная отца и матери. Сѣтъ обстоятельствъ создаетъ то, что онъ убиваетъ перваго и женится на второй. Онъ—совершенно безвинный—совершаетъ преступленія, которыя всегда считались и будутъ считаться ужаснѣйшими въ родѣ человѣческомъ, и рокъ жестоко караетъ его и его семью за эти преступленія. Въ этомъ мифѣ показывается, что боги сами заставляютъ человѣка совершать преступленія и потомъ караютъ его за нихъ. Это—детерминистическая теорія возмездія въ религіи, которой отвѣчаетъ детерминистическая теорія возмездія въ философіи.—„Мнѣ суждено воровать“, говоритъ воръ-философъ; „а мнѣ суждено бить тебя за это палкой“, отвѣчаетъ философъ—судья. Никакія знаменія, никакія наставленія не предупреждали Эдипа, когда онъ совершалъ преступленія, наоборотъ, указанія свыше были прямо рассчитаны на его неправильное пониманіе. Онъ считалъ своими дѣйствительными отцомъ и матерью, воспитавшихъ его мужа и жену и узнавъ отъ оракула, что ему предстоитъ убить отца и жениться на матери, онъ покидаетъ эту семью, чтобы не исполнилось пророчество, но по божественной ироніи происходитъ, что то, что человѣкъ предпринимаетъ для своего спасенія, то и ведетъ его къ гибели. Если бы въ мифѣ заключалась только мысль о бессиліи человѣка въ борьбѣ съ высшею волею, тогда за нимъ должно бы было признать глубокой, нравственный смыслъ. Но мифъ учитъ о бессиліи человѣка въ его попыткахъ устоять на пути добра, когда боги толкаютъ его на путь зла. Здѣсь боги поднимаются по ту сторону добра и зла, въ абсолютную сферу нравственнаго безразличія. Но въ идеѣ о Богѣ, проходящей черезъ коранъ, абсолютно не заключается такой мысли. Абсолютный Аллахъ Самъ полагаетъ въ себѣ предикаты милостиваго и милосердаго, Самъ

опредѣляетъ свою природу по отношенію къ людямъ, какъ благую и тому, кто по идеѣ корана является лучшимъ между людьми, Богъ говоритъ: „если съ тобою случится какое добро, оно идетъ тебѣ отъ Бога. Зло идетъ отъ тебя“. Такимъ образомъ между добротою Магомета и благостью Бога остается безконечное разстояніе.

Богъ благъ. Какъ благой, Онъ даровать свободу тварямъ и направляетъ ихъ къ добру, не принуждая. Въ коранѣ можно найти много мѣстъ, устанавливающихъ такое воззрѣніе на Бога. Милостивый и милосердый „Богъ не налагаетъ никакой душѣ бремени, которое было бы выше ея силъ“ (сур. 2, 286 срав. 1 Коринѳян. 10, 13). Но въ коранѣ находятся другіе ряды мѣстъ. Въ той же сурѣ, гдѣ утверждается возвышенная мысль, возвѣщенная нѣкогда апостоломъ языковъ коринѳянамъ, двумя стихами выше гворится о Богѣ: „Онъ проститъ, кому захочетъ, и накажаетъ, кого захочетъ. Богъ всемогущъ“. Вотъ—рядъ мѣстъ въ коранѣ говорящихъ объ отношеніяхъ Бога къ міру: 2, 252, 254, 284; 3, 3, 139; 4, 81; 5, 53, 96; 6, 35, 122, 178; 8, 17; 10, 99, 100; 13, 30; 14, 4, 32, 48; 15, 19; 16, 95; 17, 14, 21, 32; 22, 41; 29, 60; 35, 9; 42, 6; 43, 31; 48, 23; 61, 5; 67, 3; 91, 8; число этихъ цитатъ можно значительно умножить. Изъ этихъ мѣстъ можно извлечь пять совершенно различныхъ представлений о Богѣ. Богъ благъ, печется о людяхъ. Таково первое и самое возвышенное представление о Богѣ. Но изъ другого ряда мѣстъ слѣдуетъ, что Богъ совершенно предоставилъ людей самимъ себѣ. Онъ будетъ поступать съ ними сообразно съ ихъ поступками, но Онъ не содѣйствуетъ ихъ благимъ начинаніямъ и не препятствуетъ ихъ стремленіямъ на путь зла. Третій рядъ мѣстъ подсказываетъ выводъ, что Богъ мстителенъ, что за непочтеніе къ Нему, за неисполненіе Его воли Онъ воздастъ жестоко и сторицею. Образъ благого Бога измѣняется замѣтно въ образъ жестокаго деспота. Въ четвертомъ рядѣ мѣстъ образъ благого отца и жестокаго владыки измѣняется въ абстрактный и неопредѣленный образъ абсолютнаго, дѣйствія котораго нельзя опредѣлить никакими законами. Богъ представляется дѣйствующимъ немотивированно. Искать принциповъ опредѣляющихъ его дѣйствія нельзя. Наконецъ, въ пятомъ рядѣ мѣстъ проводится положеніе, устраняющее всякую нужду

въ разсужденіи о принципахъ и способахъ божественнаго воздѣйствія. Все предопредѣлено отъ вѣка. Къ шеѣ каждаго человѣка привязана птица (жребій, судьба) и то, что онъ сдѣлаеть и то, что съ нимъ будетъ, предрѣшено отъ вѣчности. Нетрудно понять психологическіе мотивы и логическія основанія такихъ, повидимому, крайне разнорѣчивыхъ представленій Божества. Человѣкъ ищетъ въ Богѣ любящаго отца, такимъ изображаетъ Бога коранъ на многихъ своихъ страницахъ. Но изображаетъ коранъ Бога антропоморфно: вѣдь, ни авторъ, ни читатели корана не занимались философіей и, вѣроятно, не слышали ни о Платонѣ, ни объ Аристотелѣ. Любовь въ человѣкѣ можетъ быть деспотической. Отецъ можетъ насильно лишить сына возможности дѣлать зло. Наблюденіе показываетъ, что Богъ не препятствуетъ возможности зла въ родѣ человѣческомъ. Отсюда представленіе, что Богъ представляетъ людямъ ходить какими имъ угодно путями. Но многіе поступки людей возмутительны: ихъ невѣріе въ Бога, ихъ неблагодарность къ Его щедротамъ, ихъ жестокость къ ближнимъ. Они вызываютъ законное негодованіе и требуютъ законной кары. Признавая собственное негодованіе на такихъ людей законнымъ и справедливымъ, Магометъ приписываетъ его Богу, и если собственное негодованіе пророка было безсильнымъ, то негодованіе Божественное могущественно, отсюда Богъ мстителенъ. Наблюденіе однако показываетъ, что нерѣдко благочестивые страдаютъ и нечестивые наслаждаются счастьемъ. Можно ли говорить о несправедливости Божіей, имѣя въ виду эти явленія? Конечно, нѣтъ. Все, чѣмъ бы кто ни владѣлъ, дается отъ Бога и никто не можетъ говорить, что ему несправедливо дано мало, когда другому дано много. Всѣмъ все дано даромъ. И какъ бы ни мало дано было благъ въ удѣлъ благочестивому, онъ долженъ быть благодаренъ и за нихъ. Отсюда слѣдуетъ, что распределеніе Богомъ благъ между людьми не можетъ подлежать никакому закону. Со стороны человѣка нѣтъ никакихъ правъ по отношенію къ Богу, поэтому и нельзя опредѣлять, что человѣкъ получить отъ Бога. Все исходитъ отъ Бога и Самъ Богъ опредѣляетъ Себя въ своихъ дѣйствіяхъ, эти опредѣленія не подчинены ничему. Богъ абсолютенъ, и абсолютное не опредѣлимо. Рядомъ съ такимъ философскимъ понятіемъ о Богѣ

въ коранѣ становится и утверждается тоже философская мысль, что въ мірѣ, наоборотъ, все опредѣлено, въ мірѣ царствуютъ законы необходимости, вездѣ дѣйствуютъ причинности, все послѣдующее опредѣлено предыдущимъ. Значить, все будущее опредѣлено отъ вѣка. Если абсолютное не опредѣлимо, то необходимость неизбежна. Достаточно незначительныхъ измѣненій въ этихъ положеніяхъ, чтобы сгладилась ихъ противорѣчивость. Достаточно признать нѣкоторыя выраженія метафорическими и гиперболическими, чтобы потомъ найти въ коранѣ образъ Бога достаточный возвышенныхъ представленій о Божествѣ. Но читатели и почитатели корана совсѣмъ не были представителями возвышеннаго богословскаго пониманія. Они обыкновенно находили въ коранѣ то, что имѣли въ самихъ себѣ. Пассивныя и лѣнныя племена извлекали изъ корана догматы фатализма, воинственныя и мстительныя племена арабовъ—призывъ къ порабоженію Аллаху невѣрныхъ народовъ.

Если характеръ владычества и образъ Божества читателями и слушателями корана понимался различно, то ученіе о Богѣ, какъ Творцѣ и Владыкѣ, принималось въ общемъ довольно одинаково. Богъ есть творецъ міра невидимаго и видимаго, міра духовнаго и вещественнаго. Духи (джинны, нѣкоторые производятъ отъ латинскаго *genii*)—Его созданіе и Его заслуги (объ ангелахъ см. въ коранѣ 2, 28, 29, 32, 96, 156, 172, 206, 249; 3, 74, 120; 6, 61; 7, 10, 35; 8, 9, 12, 52; 13, 12; 15, 27, 28, 31, 33; 16, 30, 34, 35, 59, 104; 17, 42, 63, 65; 18, 48; 19, 69, 86; 20, 115; 21, 26, 27; 22, 11, 74; 26, 95; 34, 19, 40; 35, 1: 37, 150; 38, 71, 74; 39, 68; 40, 7; 42, 3; 43, 18, 77; 47, 29; 50, 16; 53, 9, 11, 28; 66, 9; 69, 17; 74, 30; 81, 22 и друг.). Язычники почитаютъ ангеловъ за дочерей Бога. Это мнѣніе нечестиво и безбожно. Они только слуги Божіи. Они должны были поклониться предъ созданнымъ человѣкомъ и тотъ изъ нихъ—Эблисъ, который не поклонился на томъ основаніи, что онъ созданъ изъ огня, а человѣкъ изъ глины, былъ прогнанъ и отвергнутъ Богомъ. Въ коранѣ даже какъ бы проводится, что люди выше ангеловъ. Адамъ научилъ ангеловъ именамъ всѣхъ существъ. Ангелы носятъ престолъ Божій, постоянно посылаются Богомъ къ людямъ, Гавріиль посылался къ Магомету, вступаютъ за людей, у всѣхъ людей служатъ хранителями, от-

вращаются отъ язычниковъ. Ангелы мучать людей за грѣхи ихъ. Существуютъ ангелы смерти. Ангелы охраняютъ адъ. Подобно людямъ ангелы должны умереть до дня послѣдняго суда. Были ангелы возмутители. Демоны занимаются тѣмъ, что слѣдятъ за происходящимъ на небесахъ и землѣ и стараются соблазнять людей. Паденіе ангеловъ по мысли корана совершалось неоднократно и не всегда было безусловнымъ. Для нихъ возможно подъ извѣстными условіями получить прощеніе отъ Бога. Въ этомъ положеніи находятся вавилонскіе ангелы Гаруть и Маруть. Вообще источникомъ ангелологии и демонологии Магомета являются еврейскія и христіанскія сказанія. Напрасно здѣсь искать вліянія Зороастризма. Преданіе, что дьяволъ палъ гордостью, издавна существовало среди христіанъ. Сказанія о прегрѣшеніяхъ ангеловъ, какъ допускающихъ прощеніе, такъ и недопускающихъ его, видно, рано сложились въ еврейскихъ народныхъ массахъ, вошли въ талмудъ, много ихъ существуетъ и среди христіанъ. Конечно, они несогласимы съ христіанскимъ вѣроученіемъ, но при антропоморфномъ пониманіи вещей у простого народа они очень понятны его уму и сердцу. Ангелы Гаруть и Маруть, за прегрѣшеніе свое удаленные изъ рая и принужденные трудиться на землѣ, очень родственны ангелу въ сказкѣ Толстого „чѣмъ люди живы“. Наредная мысль антропоморфно представляетъ, что ангелы не всегда понимаютъ Божественныя опредѣленія, которыя должны исполнять. Поставляя рѣшенія своего разума на мѣсто божественной воли, они прегрѣшаютъ. Но вразумленные божественнымъ наказаніемъ, разъясняющимъ имъ смыслъ божественныхъ опредѣленій, они могутъ получать прощеніе. Главный изъ падшихъ ангеловъ—Эблисъ. Онъ неоднократно замѣчаетъ въ коранѣ, что Богъ *провелъ* его. Смыслъ такого выраженія, повидимому, таковъ, что Самъ Богъ внушилъ Эблису невѣрное представленіе о своемъ величіи и что это (неразумная гордость) и погубила Эблиса. Образъ Эблиса нѣсколько похожъ на библейскаго сатану, какъ онъ представляется въ книгѣ Іова, и затѣмъ ему приписываются черты, которыми фантазія средневѣковыхъ массъ обыкновенно надѣляла христіанскаго дьявола. Въ сущности онъ болѣе плутъ, чѣмъ злодѣй. Богъ *провелъ* его, онъ *проводитъ* людей. Онъ говоритъ Богу, что люди не будутъ вѣрны

Ему, что онъ украситъ на землѣ грѣхъ и черезъ это будетъ соблазнять людей. Богъ представилъ ему заниматься своею пагубною дѣятельностію до дня воскресенія. Эблисъ началъ съ того, что соблазнилъ Адама. Въ самыхъ божественныхъ опредѣленіяхъ Эблису какъ бы повелѣвается соблазнять тѣхъ, которые готовы вступить на путь соблазна. Но однако вездѣ въ коранѣ конечнымъ удѣломъ Эблиса назначается геенна.

Послѣ созданія міра духовнаго, нематеріальность котораго по буквѣ корана однако только относительна (геніи созданы изъ тонкаго огня), Богъ сотворилъ міръ матеріальный, вѣдомъ котораго является человѣчество. Исторія человѣчества въ коранѣ это—искаженная библейская исторія. Многіе христіанскіе писатели исполняются негодованіемъ, говоря объ искаженіяхъ корана, о его неразумной антелогіи и о безмѣрномъ превосходствѣ христіанскаго ученія предъ этими наивными разказами некультурныхъ сыновъ пустыни. Думаемъ, что самый плохой пріемъ для выясненія превосходства христіанскаго ученія состоитъ въ томъ, чтобы пространно трактовать о такомъ превосходствѣ. Неужели нужно исписывать фоліанты для того, чтобы доказать, что человѣкъ смертенъ или что женщина не должна быть рабыней? Слишкомъ пространныя доказательства слишкомъ простыхъ вещей могутъ скорѣе вызвать сомнѣнія въ истинности доказываемаго. Никогда, конечно, культурнымъ міромъ коранъ не будетъ признанъ богодуховенною книгою, но въ коранѣ много хорошаго и вмѣсто того, чтобы замалчивать или извращать это хорошее, его, думается, лучше всего было бы брать исходнымъ началомъ для направленія его послѣдователей къ христіанству. Въ коранѣ много историческихъ искаженій. Вмѣсто того, чтобы глумиться надъ ними, называть ихъ нелѣпыми и дикими, гораздо лучше воспользоваться ими, какъ историческимъ матеріаломъ. При устной передачѣ сказаній они всегда искажаются. Исторія ветхаго завѣта въ сказаніяхъ русскаго народа отстоитъ отъ Библии гораздо далѣе, чѣмъ коранъ. И какъ сказанія русскаго народа представляютъ богатый матеріалъ для фюрклориста, такъ и сказанія корана важны для насъ не въ качествѣ вспомогательнаго матеріала для библейской исторіи, а какъ собраніе богатыхъ данныхъ для характери-

стики народа, населявшаго Арабскій полуостровъ въ VII столѣтїи. Изъ того, какъ этотъ народъ переработалъ Библию, мы можемъ дѣлать заключенія о томъ, каковъ онъ былъ.

Люди представляются въ коранѣ предметомъ постоянного и особеннаго божественнаго попеченія. Первоначально они были помѣщены въ рай и только, когда поскользнулись и пали, были удалены изъ рая. Вслѣдствіе паденія предковъ стало страдать потомство, оно оказалось и страждущимъ и во грѣхахъ, потому что какъ неблагополучіе, такъ и грѣхи наслѣдовало отъ своихъ праотца и праматери. Поэтому они, повидимому, представляются невинными въ своихъ грѣхахъ и страждущими невинно. Коранъ устраняетъ эту мысль о безвинности человѣческихъ страданій. „Вспомните, какъ нѣкогда Богъ извлекъ изъ чреслъ сыновей Адама всѣхъ ихъ потомковъ и велѣлъ имъ произнести свидѣтельство противъ себя. Онъ сказалъ имъ: не Я ли Господь Вашъ? Они отвѣтили: да, мы подтверждаемъ это. Мы сдѣлали такъ, чтобы вы не сказали въ день воскресенія: мы не знали этого. Чтобы вы не говорили: наши отцы до насъ присоединили къ Богу другія божества; мы ихъ потомство, погубишь ли Ты насъ за дѣла тѣхъ, которые солгали. Поэтому мы изъяснили наши знаменія; можетъ быть они возвратятся къ Богу. Прочти имъ (евреямъ) исторію того, на комъ мы показали знаменіе и кто воротился слѣдовать за сатаной, и такъ сдѣлался заблудшимъ“ (7, 171 — 174). Наивная рѣчь корана заключаетъ въ себѣ въ этихъ стихахъ нѣсколько важныхъ догматическихъ, моральныхъ и юридическихъ положеній. Всѣ люди, которые существовали и которые будутъ существовать, нѣкогда уже получили бытіе и въ этомъ премирномъ существованіи узнали волю Божию и обязались ее исполнять. Поэтому наслѣдственность поведенія не оправдываетъ послѣдняго, если оно дурно. Потомокъ дурного отца знаетъ на самомъ дѣлѣ, что хорошо и если поступаетъ дурно, то по своей винѣ. Такимъ образомъ предъ лицомъ Бога грѣшники (по данному мѣсту корана собственно идолопоклонники) безотвѣтны, между тѣмъ какъ Богъ является абсолютно правымъ. Что касается до исторіи, которая согласно данному мѣсту корана должна разъяснить людямъ смыслъ предвѣчнаго завѣта, то различные комментаторы понимаютъ

подъ ней различное. Одни полагають, что дѣло идетъ о Валаамѣ, который сначала отказался проклинать Моисея, а потомъ поддался внушеніямъ сатаны, за что былъ осужденъ вытягивать языкъ по-собачьи. Другіе предполагають, что здѣсь рѣчь идетъ о какомъ-то еврей, признавшемъ Магомета пророкомъ и отступившемъ отъ него по гнѣву и зависти. Первое предположеніе представляется болѣе вѣроятнымъ.

Когда люди были изгнаны изъ рая, къ нимъ посылались постоянно пророки и посланники. У každого народа были они, и циклъ этихъ посланниковъ закончился Магометомъ, посланнымъ прежде всего къ арабамъ, а потомъ ко всему человѣчеству. Въ ряду божественныхъ посланниковъ хронологически, повидимому, принадлежитъ первое мѣсто Ною, тщетно обличавшему идолопоклонство и спасаемому отъ потопа въ ковчегѣ. За нимъ и надъ нимъ поднимается образъ Авраама. Авраамъ не былъ ни евреемъ, ни христіаниномъ, но онъ былъ ганифъ, мумимъ, муслимъ. Онъ не избѣгъ искушеній. Когда въ темнотѣ ночи засверкала звѣзда, онъ воскликнулъ: „Вотъ мой Владыка. Звѣзда исчезла. Онъ сказалъ: я не люблю тѣхъ, которые исчезаютъ“ (6, 76). Вслѣдъ за звѣздою онъ готовъ былъ обоготворить луну и затѣмъ солнце, но онъ избавился отъ искушеній сабеизма и никогда не примыкалъ къ идолопоклонству. Оживленіе Богомъ разсѣченныхъ птицъ выяснило для него истину воскрешенія умершихъ (2, 262 сравн. Быт. 15). Спорившаго съ нимъ о Богѣ (полагають Немврода) онъ вразумилъ такимъ образомъ: „Мой Богъ, сказалъ онъ, Тотъ, который даетъ жизнь и смерть.—Если ты Богъ, отведи солнце съ востока и вели всходить ему на западъ“ (2, 260). Невѣрный поникъ въ смущеніи. Авраамъ былъ назначенъ Богомъ имамомъ для людей и вмѣстѣ съ Измаиломъ онъ создалъ каабу. За образомъ Измаила Исаакъ скрывается въ коранѣ въ тѣни. Это показывается, что библейскія генеалогіи были признаны на арабскомъ полуостровѣ: еврей—отъ Исаака, арабы—отъ Измаила. Но никто, конечно, не ставитъ своего отца ниже отца своихъ враговъ или соперниковъ. Посланникомъ Божиимъ въ Египтѣ является Иосифъ. Ему посвящена большая сура (12). Любопытно передается здѣсь его эпизодъ съ женою Пентефрія. Она осталась съ нимъ въ запертомъ помѣ-

щении. Не отвѣчая ея страсти, Иосифъ бросился отъ нея бѣжать. Она погналась за нимъ и разорвала его тунику сзади. Въ это время въ двери вступилъ ея мужъ. Лукавая женщина обвинила Иосифа въ преступномъ покушеніи. Родственники сказали: если туника разорвана спереди—жена права; если туника разорвана сзади, жена лжетъ и правъ Иосифъ. Оказалось послѣднее. Такъ въ коранѣ правда была восстановлена гораздо скорѣе, чѣмъ это было и бываетъ въ дѣйствительности. Моисей представляется въ коранѣ законодателемъ и Ааронъ его спутникомъ въ сношеніяхъ съ фараономъ. Соломонъ изображается кораномъ въ талмудическомъ освѣщеніи. Образъ Дѣвы Маріи представленъ очень свѣтлымъ, но вслѣдствіе презрѣнія Магомета къ хронологіи Богоматерь оказывается сестрою Моисея. Иисуса она родила безмужно (см. 3 суру; сравн. 4, 169). Иисусъ Христосъ рисуется весьма возвышенными чертами, но въ представленіе его вносится докетизмъ и Его крестная смерть объявляется призрачною. Иисусъ былъ взятъ на небо. Здѣсь по мысли корана Онъ является не ходатаемъ за христіанъ, а свидѣтелемъ противъ нихъ. „Богъ сказалъ Иисусу: говорилъ ли ты людямъ, принимайте меня и мою мать за боговъ наравнѣ съ Богомъ Единымъ? Слава Тебѣ, вѣтъ. Какъ же я могъ сказать то, что неправда? Не зналъ ли бы ты, если бы я сказалъ? Ты знаешь, что въ глубинѣ моей души, а я не знаю, что въ глубинѣ Твоей; ибо Ты одинъ знаешь тайны. Я говорилъ имъ только то, что ты приказывалъ сказать имъ. Покланяйтесь Богу, Господу Моему и Вашему. Покуда я жилъ на землѣ, могъ противъ нихъ свидѣтельствовать, а съ тѣхъ поръ, какъ взялъ меня къ себѣ, Ты самъ смотрѣлъ на нихъ ибо ты свидѣтель всѣхъ дѣлъ“ (5, 116—117). Христосъ, значитъ, не былъ учителемъ о Троицѣ, а былъ обличителемъ этого ученія. Названными слугами Божіими далеко не исчерпывается число божественныхъ посланниковъ. Цифры въ сотни тысячъ оказываются недостаточными для обозначенія ихъ числа. У всѣхъ народовъ они были. Непослѣднее мѣсто между ними, повидимому, занимаетъ и Александръ Македонскій (само собою предполагается: почитавшій Единаго Бога), называемый въ коранѣ Дгуль Карнейнъ (см. 18 суру, начинающая съ 82 ст.). Посланники приносили съ собою книги откровенія, творили чудеса, побѣждали зло. Въ жизни самого

Магомета были случаи чудесной помощи Божіей (паукъ заткалъ паутиной входъ въ пещеру, гдѣ скрывался Магометъ и его преслѣдователи не стали его тамъ искать. См. 9, 40). Самое появленіе Магомета было предречено Христомъ, какъ объ этомъ уже сказано. Главное, что проповѣдывали посланники Божіи—это—единобожіе; главное, противъ чего они боролись, это—идолопоклонство. Но затѣмъ весь кодексъ культовыхъ, нравственныхъ и правовыхъ требованій былъ возвѣщенъ также этими посланниками. Научивъ людей познанію Бога, пекущагося о нихъ, божественные пророки должны были наставлять, какъ исполнять волю этого Бога. Отъ нихъ требуется благочестіе. „Благочестіе не состоитъ только въ обращеніи лица въ сторону восхода или заката. Благочестивъ тотъ, кто вѣритъ въ Бога, и въ послѣдній день, въ ангеловъ и въ Книгу (коранъ), въ пророковъ—который изъ любви къ Богу даетъ изъ своего имущества своимъ ближнимъ, сиротамъ, бѣднымъ, путешественникамъ и тѣмъ, которые просятъ; кто выкупаетъ плѣнныхъ, кто соблюдаетъ молитву, кто творитъ милостыню, исполняетъ должности, которыми обязанъ, кто терпѣливъ въ несчастіи, во времена тяжкія и во времена притѣсненій. Эти правы и боятся Господа“ (2, 172). Должно быть милостивымъ къ ближнимъ, но „благородное слово, прощеніе обидъ стоитъ болѣе, чѣмъ милостыня, за которой бы послѣдовалъ вредъ причиненный тому, кто получилъ ее. Богъ богатъ и милосердъ“ (2, 265). Но мало того, что должно прощать обиды. „Зло и добро не могутъ идти подъ пару. Воздавай добромъ за зло, и увидишь, что твой врагъ превратился въ покровителя и друга“ (41, 34). За всѣмъ тѣмъ отъ враговъ, конечно, должно защищаться. „Сражайтесь на пути божіемъ противъ тѣхъ, которые нападаютъ на васъ. Но не поступайте несправедливо, нападая на нихъ первыми, ибо Богъ не любитъ несправедливости“ (2, 186).

Месть убійцъ для родственниковъ убитаго была обязанностью. Коранъ уничтожаетъ ее. Убійца обязанъ заплатить штрафъ, ему угрожаетъ адъ (4, 94—95), но ему не должна угрожать смерть отъ руки мстителей. Его проклянетъ Богъ и осудитъ на страшное наказаніе. Богъ, но не люди. Вѣрные не должны проливать крови другъ друга. Коранъ предписываетъ имъ отношенія любви. Правда, между людьми

существуетъ неравенство, его производитъ Самъ Богъ (43, 31), но это неравенство не должно обуславливать насилія и несправедливости. Понятно, что у арабовъ VII ст., какъ и у другихъ народовъ, стоящихъ на той же ступени культуры, существовало рабство. Однако Магометъ боролся противъ самыхъ словъ *рабъ* и *рабыня*, рекомендуя замѣнять ихъ названіями *слуга* и *служанка*. „Если кто-нибудь изъ вашихъ невольниковъ просить письменнаго увольненія, дайте ему, если онъ достоинъ этого. Давайте имъ сколько нибудь изъ тѣхъ благъ, которыя доставилъ вамъ Богъ. Не принуждайте вашихъ служанокъ развратничать для доставленія вамъ переходящихъ благъ этого свѣта, если они желаютъ сохранить стыдливость“ (24, 33). Вѣрный, который освобождаетъ своего невольника, освобождаетъ себя и отъ заботъ и отъ адскаго огня. Магометъ говорилъ, что рабу должно прощать до 70 разъ и даже болѣе. Возвышенный тонъ коранической морали понижается, когда рѣчь заходитъ о женщинѣ. „Мужчины выше женщинъ по причинѣ качествъ, которыми Богъ возвысилъ ихъ предъ тѣми и потому что мужчины свое имѣніе употребляютъ на награжденіе женщинъ. Добродѣтельныя женщины послушны и покорны; онѣ заботливо сохраняютъ въ отсутствіе мужей то, что Богъ велѣлъ сохранять въ цѣлости. Вы побраните ихъ, когда боитесь неповиновенія; отдадите въ сторону отъ ложа, бейте ихъ; но когда онѣ вамъ повинуются, не старайтесь обижать. Богъ высокъ и великъ“ (4, 38). Коранъ освятилъ многоженство, которое, какъ фактъ, существовало ранѣе. Но постановленія корана таковы, что честный мусульманинъ долженъ сказать: лучше жить съ одною женою. „Если вы боитесь быть несправедливыми къ сиротамъ, не женитесь изъ женщинъ, которыя вамъ нравятся, болѣе какъ на трехъ или четырехъ. Если всетаки боитесь быть несправедливыми, на одной или на невольницѣ. Такое поведеніе поможетъ не быть вамъ несправедливыми. Свободно назначайте приданое (садуха-то, что женихъ даетъ родителямъ невѣсты) вашимъ женамъ и если имъ угодно совершенно охотно оставить что-нибудь изъ этого, наслаждайтесь тѣмъ прилично вашему состоянію“ (4, 3). Согласно этимъ словамъ жениться на трехъ или четырехъ можетъ лишь тотъ, кто чувствуетъ, что можетъ одинаково справедливо относиться ко всѣмъ женамъ. Но возможно ли это чув-

ствовать и можетъ ли это быть? А если это невозможно, то должно жениться на одной. Такимъ образомъ, если коранъ по буквѣ дозволяетъ многоженство, то по духу онъ ставить для него такія препятствія, при которыхъ оно на самомъ дѣлѣ не должно существовать. Коранъ утверждаетъ, что женщина ниже мужчины, но онъ не дѣлаетъ отсюда вывода, что мужчина имѣетъ право какъ ему угодно обращаться съ женщиною; нѣтъ, онъ не долженъ обижать ее и долженъ учить ее. Правда, въ ряду педагогическихъ приемовъ рекомендуются или вѣрнѣе дозволяются и побои, однако и здѣсь вносится ограниченіе: не должно бить до синяковъ или до крови. Тѣмъ, кто хочетъ осуждать коранъ за такое отношеніе къ женщинѣ, позволительно напомнить, что тысячу лѣтъ спустя послѣ рожденія Магомета въ христіанскомъ государствѣ духовнымъ лицомъ, стоявшимъ во главѣ тогдашняго просвѣщенія, рекомендовались по отношенію къ женѣ плетка, а по отношенію къ дѣтямъ—сокрушеніе реберъ. И эти правила у священника второй половины XVI в. Сильвестра звучатъ болѣе жестоко и сурово, чѣмъ у воспитаннаго въ язычествѣ Магомета. „Вамъ даны супруги, созданныя изъ васъ самихъ, чтобы вы жили съ ними. Онъ (Богъ) установилъ между вами любовь и нѣжность“ (30, 20). Но не только любовь къ женамъ рекомендуется мужьямъ. Прежде чѣмъ идти къ женѣ, мужу слѣдуетъ сдѣлать какое-либо доброе дѣло. О женахъ разведенныхъ долженъ заботиться мужъ. Невольница, съ которою господинъ вступилъ въ сожительство, переходитъ на права жены. Нѣкоторые говорятъ, что по корану назначеніе женщины состоитъ только въ томъ, чтобы быть игрушкою мужчины. Это—неправда уже потому, что, какъ чисто женская добродѣтель, въ коранѣ разсматривается цѣломудріе. Оно одобряется и защищается даже у рабынь. Дѣвство Маріи, Матери Іисуса, находитъ въ коранѣ глубокое одобреніе. „А Маріи дочери Имрана, сохранившей дѣвство, мы вдохнули часть нашего духа“ (66, 12), говоритъ Самъ Богъ черезъ коранъ. Существуетъ мнѣніе, что будто Магометъ, суля рай своимъ вѣрнымъ послѣдователямъ, забылъ о женщинѣ и не оставилъ для нея мѣста въ этомъ будущемъ саду сладостей. Правда, говоря о будущей судьбѣ, коранъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ мужчину. Это понятно, ибо не только въ социальномъ строѣ VII, но и XX

столѣтїя значеніе общественнаго дѣятеля принадлежитъ почти исключительно мужчинѣ. Однако представленіе, что только мужчинѣ ждуть и награды и наказанія, не соответствуетъ буквѣ корана. „Нѣтъ скота на землѣ, ни птицы летающей на крыльяхъ, которые не образовали бы вамъ общества. Мы ничего не презирали въ книгѣ. Всѣ творенія будутъ нѣкогда собраны“ (т. е. на судъ. 6, 38). Если Богъ будетъ судить птицъ, то тѣмъ болѣе Онъ будетъ судить женщинѣ. Мы нашли и прямой стихъ говорящій, что лучшихъ изъ женщинѣ ждуть сады Эдема. Оказывается, что высшіе ангелы молятъ о вѣрныхъ. „Господи, введи ихъ въ сады Эдема, какъ общалъ имъ, также ихъ отцовъ, *супругъ* и дѣтей, которые жили хорошо. Ты могущъ, мудръ“ (40, 8 срав. 36, 56; 43, 70).

Такова мораль Ислама. Разсматриваемая въ ея идеалѣ она возвышенна и благородна, она не хочетъ невольничества, не хочетъ притѣсненія женщины. Но не трудно видѣть, что ея формулы легко могутъ быть обращены для развитія теоріи и практики невысокаго нравственнаго достоинства. Женщина ниже мужчины. Отсюда по духу корана слѣдуетъ, что на мужчинѣ лежитъ больше обязанностей (кому больше дано), чѣмъ на женщинѣ, что женщинѣ и прощаться должно большее, чѣмъ мужчинѣ. Но практика, минуя этотъ, легко дѣлаетъ другіе выводы. Если женщина ниже мужчины, то она обязана послушаніемъ мужчинѣ, должна быть слугою его. Отсюда—рабская подчиненность женщины. Затѣмъ, какъ должно относиться къ невѣрнымъ? Если они не трогаютъ вѣрныхъ, то ихъ не слѣдуетъ трогать. Но что понимать подъ этимъ „не трогаютъ“? Жители Мекки, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи ключи отъ каабы, не трогали правовѣрныхъ, но то, что они поставили идоловъ во святомъ храмѣ, сдѣлали этотъ храмъ недоступнымъ для правовѣрныхъ, конечно, должно было очень трогать послѣднихъ и потому можно сдѣлать выводъ, что послѣдніе правы, напавъ на первыхъ. Точно также можно оправдать и право нападенія на всякаго идолопоклонника. Такъ какъ Богъ посылалъ пророковъ ко всѣмъ народамъ, то, слѣдовательно, всѣ почитающіе идоловъ оказываютъ прогивленіе Богу, затѣмъ, распространяя свое нечестіе, они влекутъ другихъ на путь гибели. Для того, чтобы спасти послѣднихъ, нужно погубить первыхъ. Отсю-

да—право священной войны или вѣрнѣ право безпричиннаго нападенія. Въ коранѣ также не мало мѣсть, которыя какъ бы оправдываютъ жестокой образъ дѣйствій, если онъ обусловливается законно вызваннымъ раздраженіемъ. Само собою понятно, что человѣческая слабость склонила послѣдователей корана представлять его ученіе въ наиболѣе выгодномъ для нихъ свѣтѣ.

Вѣрные должны быть лучше другихъ. Такова мысль корана. Но человѣческой эгоизмъ и человѣческая слабость легко превращаютъ ее въ другую: вѣрные лучше другихъ; „О вѣрующіе, не избирайте друзьями жидовъ и христіанъ, они друзья одни другимъ. Тотъ, кто приметъ ихъ за друзей, кончитъ сходствомъ съ ними, а Богъ не будетъ путеводителемъ нечестивыхъ“ (5, 56). Что касается до идолопоклонниковъ или язычниковъ, то Богъ не проститъ, что Ему присоединили другихъ боговъ; Онъ проститъ другіе грѣхи, кому захочетъ“ (4, 51). Эти правила, созданныя прежде всего для того, чтобы отвратить отъ грѣховъ языческихъ, христіанскихъ и еврейскихъ, именно отъ ихъ религіозныхъ убѣжденій, легко сами могли вести къ грѣху фарисейства. Я не таковъ, какъ прочіе человѣки. Если женщина, которая можетъ и право чтить Бога, обязана мнѣ подчиненіемъ, то тѣмъ болѣе я долженъ подчинить себѣ враговъ Божіихъ. Я долженъ сдѣлать это даже для славы Божіей и для блага народовъ. Отсюда—идея политическаго господства въ религіозныхъ цѣляхъ.

Коранъ утверждаетъ, что съ вѣрными Богъ, что Онъ охраняетъ ихъ на всѣхъ путяхъ, даруетъ имъ милости. Однако опытъ непрестанно показывалъ, что погибали и вѣрные и торжествовали нечестивые. Если бы на самомъ дѣлѣ корану была присуща идея Бога дѣйствующаго произвольно, тогда гибель вѣрныхъ и торжество невѣрныхъ можно было бы разсматривать какъ игру этого произвола. Но этого нѣтъ въ коранѣ. Богъ благъ, милосердъ и справедливъ. Вѣрному принадлежитъ окончательное торжество и невѣрному можетъ достаться въ удѣлъ лишь временный успѣхъ. При Оходѣ погибло не мало вѣрныхъ. Пророкъ говорить: „не вѣрьте, что павшіе сражаясь на пути Божіемъ мертвы, они живутъ у Бога и получаютъ отъ Него свою пищу“ (3, 163). За жизнью земною человѣка ждетъ иная жизнь какъ возмездіе

за его земныя дѣла. Изъ приведенныхъ словъ корана слѣдуетъ, что возмездіе за дѣла ожидаетъ умершаго непосредственно послѣ смерти. Цѣлый рядъ мѣстъ (4, 99; 7, 35; 16, 30—32, 34; 23, 102; 47, 29) подтверждаетъ это положеніе. Однако это возмездіе не представляется окончательнымъ. Коранъ учитъ объ имѣющемъ наступить всеобщемъ воскресеніи, всеобщемъ судѣ и мздовоздаяніи. Многое въ томъ, что объ этомъ говоритъ коранъ, заимствовано изъ христіанскихъ сказаній, кое-что взято изъ религій Зороастра. Интересъ представляютъ лишь нѣкоторые элементы кораническихъ представленій. У мусульманъ издавна существуетъ убѣжденіе, что въ концѣ вѣковъ изъ потомковъ Магомета долженъ возстать пророкъ, который дастъ торжество истинной религіи. Онъ назовется Махдіемъ (направленный, благонаправленный), онъ станетъ во главѣ всѣхъ мусульманскихъ государствъ. Тогда придетъ Деджалъ (противникъ правды совершенно аналогичный антихристу). Произойдетъ борьба, подробности которой мусульманская фантазія рисуетъ различно. Въ этой борьбѣ приметъ участіе и сошедшій съ неба Иисусъ. Деджалъ погибнетъ. Все это будетъ предъ концомъ міра. Въ коранѣ нѣтъ такой опредѣленной исторіи будущаго. Можно однако указать нѣсколько мѣстъ, которыя могли послужить исходнымъ началомъ или по крайней мѣрѣ матеріаломъ для развитія сказаній о будущей трагедіи. Въ 43 сурѣ говорится, что „Иисусъ будетъ указателемъ приближенія часа“ (всеобщаго суда, 61) и выражается предостереженіе, чтобы сатана не отвратилъ вѣрныхъ отъ истины. Въ 27 сурѣ дается такое предсказаніе: „когда опредѣленіе произнесенное о нихъ (о невѣрныхъ) будетъ близко къ совершенію исполненія, то мы велимъ выйти изъ земли чудовищу (эль джессаса), которое закричитъ имъ: въ самомъ дѣлѣ люди не вѣровали твердо въ наши чудеса“ (84). Христосъ и антихристъ, такимъ образомъ, указываются въ коранѣ, образъ Махдія присоединенъ къ нимъ отвлѣ и очень можетъ быть, что его совсѣмъ не было въ мысляхъ Магомета. Предъ послѣднимъ судомъ, когда начнется міровая катастрофа, „все, что есть на небесахъ и на землѣ, умретъ, исключая тѣхъ, кого Богъ захочетъ оставить жить“ (39, 68). Умретъ и то, что на небесахъ, значить, ангелы. Магометанское богословіе подробно развиваетъ это краткое изреченіе корана.

Говорятъ, что умрутъ ангелы Гавріиль и Михаилъ, затѣмъ Израфилъ (вѣстникъ приближенія суда) и наконецъ послѣднимъ умретъ ангелъ смерти Израилъ... Это будетъ, такъ сказать, смерть смерти.

Окончательной участи созданій будетъ предшествовать всеобщій судъ. По мысли корана, повидимому, всѣхъ тварей ожидаетъ этотъ судъ и сообразно съ нимъ послѣдующая судьба. „Нѣтъ скота на землѣ, ни птицы летающей на крыльяхъ, которые не образовали бы подобнаго вамъ общества. Мы ничего не презирали въ книгѣ. Всѣ творенія нѣкогда будутъ собраны“ (6, 38). Что это за книга, ясно говорится во многихъ мѣстахъ корана. „Книга, гдѣ записаны дѣла каждого, будетъ отдана въ ихъ руки, ты увидишь преступныхъ пораженныхъ страхомъ изъ за того, что тамъ написано. Горе намъ, что значить эта книга? Не осталось ни малаго дѣла, ни большого, они сочтены всѣ; люди найдутъ представленными глазамъ ихъ. Господь твой не поступитъ несправедливо съ кѣмъ бы то ни было“ (18, 47). Эта книга по корану есть точная лѣтопись, исторія міра, составляемая ангелами. „Вѣроятно у Него (Бога) есть стражи, которые за вами наблюдаютъ. Стражи знаменитые, которые записываютъ ваши дѣйствія. Они знаютъ то, что вы дѣлаете“ (82, 10—12). „Когда два собирателя (ангелы) собираютъ слова человѣка, то принимаются собирать, сидя одинъ справа, другой слѣва. Онъ не произноситъ ни одного слова, чтобы не было наблюдателя совершенно готоваго отмѣтить его“ (50, 16—17, снеси еще 13, 12). Такія мѣста трудно согласить съ рядомъ другихъ, гдѣ говорится объ изначальномъ предопредѣленіи человѣческой судьбы и гдѣ книга этой судьбы повидимому представляется существовавшей всегда. „Мы привязали къ шеѣ каждого человѣка птицу (т. е. судьбу). Въ день воскресенія мы покажемъ ему книгу, которая будетъ открыта“ (17, 14; 27, 48; 36, 18). Эти два ряда мѣстъ трактуютъ о человѣческой свободѣ, дарованной божественной благостью, и о божественномъ предопредѣленіи, обусловленномъ всемогуществомъ. Мы уже говорили, что несогласованность мѣстъ трактующихъ объ этихъ двухъ факторахъ исторіи не есть особенность одного только корана. Можно указать одно мѣсто въ коранѣ, которое занимаетъ какъ бы среднее положеніе между только что приведенными: „не

разрушилъ ли Онъ (Богъ) ихъ (невѣрныхъ) замысловъ? Не послалъ ли противъ нихъ птицъ абабилей“ (105, 2--3). Здѣсь птицы представляютъ собою уже не судьбу, а только противодѣйствіе нечестивымъ замысламъ. Во всякомъ случаѣ смыслъ всего корана тотъ, что человѣкъ будетъ судиться по своимъ дѣламъ и по божественной справедливости. По какимъ началамъ будетъ произведенъ судъ? Изъ пятой суры, повидимому, сначала вытекаетъ, что каждый народъ будетъ судимъ по тому Откровенію, которое онъ получилъ. „Мы повелѣли сойти пятикнижю; оно содержитъ направленіе къ доброму пути и свѣту“ (48). „Евангеліе тоже содержитъ направленіе и предостереженіе тѣмъ, которые боятся Бога“ (50). Но не много ниже говорится: „о вѣрующіе, не избирайте друзьями жидовъ и христіанъ“ (56). Почему не избирайте: потому ли что жида и христіане не исполняютъ своихъ законовъ, или потому что въ ихъ книгахъ они подготовлялись къ принятію ислама и однако они его не приняли? Рѣчь корана является неясной и даже, пожалуй, несогласной сама съ собою. Далѣе говорится. „Жида говорятъ: рука Божія сжата. Да будутъ руки ихъ прижаты къ шеѣ. Да будутъ прокляты они за хулу ихъ. Далекъ до этого, обѣ руки Божіи отверсты. Онъ раздаетъ свои дары, какъ хочетъ“ (69). Этотъ текстъ подаль поводъ для развитія въ мусульманскомъ богословіи ученія о томъ, что жида явятся на послѣдній судъ съ привязанной къ шеѣ рукой. Обстановка суда и вида, въ которомъ явятся грѣшники, ужасна. Однако самый принципъ суда даетъ понять, что благодать Божія будетъ больше Его строгости. „Кто сдѣлалъ доброе дѣло, получитъ награду вдесятеро; кто совершилъ дурное дѣло, получитъ равную цѣну. Они не будутъ притѣсняемы“ (6, 161).

По опредѣленію суда однимъ будетъ назначенъ рай, а другимъ—адъ. Описаніе того и другого отличаются чувственнымъ характеромъ. Но какъ же представить ихъ иначе? Некультурные люди не могутъ понять философской концепціи блаженства и страданіе духа имъ необходимо изображать въ чувственныхъ образахъ. Трудно также видѣть въ этихъ изображеніяхъ корана творчество восточной пылкой фантазіи. Совершенно аналогичныя представленія можно найти въ русскихъ народныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ объ адѣ и раѣ. Только у насъ на мѣсто наслажденій пирами и

женами выдвигается благолѣпное служеніе Богу. Здѣсь нужно видѣть не только вліяніе Евангелія, Евангеліе, пожалуй, съумѣли бы извратить, но историческое воспитаніе народа, обучившагося находить высшее наслажденіе въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ. Затѣмъ, въ коранѣ не должно видѣть не только особаго творчества какого-то особаго народа или особаго вождя, но и особой самостоятельности. Нѣкоторыя выраженія объ адѣ и раѣ встрѣчающіяся въ коранѣ встрѣчаются и въ нашихъ священныхъ книгахъ: кипящая смола, горящая сѣра суть символы орудій страданій грѣшниковъ и у богодухновенныхъ священныхъ писателей. Что касается до рая изображаемаго въ коранѣ подь образомъ сада, то, вѣдь, и самое слово рай значитъ садъ, и первобытный рай сладости былъ дѣйствительнымъ садомъ. Самое представленіе отношенія между раемъ и адомъ заимствовано кораномъ изъ евангельской притчи о богатомъ и Лазарѣ. „Обитатели огня закричатъ обитателямъ сада: пролейте на насъ немного воды или доставьте немного утѣхъ, которыми одарилъ васъ Богъ. Богъ, отвѣтять эти, лишаетъ того и другого невѣрныхъ“ (7, 48). Это мѣсто несомнѣнно близко стоитъ къ Еванг. Лук. 16, 19—31.

Позднѣйшее магометанское богословіе, внося подробности въ то, какъ грѣшныя и праведныя будутъ помѣщены въ аду и раю, составило ученіе, что тѣ и другіе пойдутъ по мосту Аль - Сераъ, мостъ этотъ узкій и скользкій, какъ остріе меча. Грѣшники, не имѣя свѣта въ своихъ глазахъ, не имѣя силъ держаться на скользкомъ пути, отягчаемые грѣхами, немедленно будутъ проваливаться на немъ въ адъ. Праведныхъ высшая сила будетъ поддерживать на ихъ пути, окрылитъ ихъ и они быстро и безопасно достигнутъ области рая. Это ученіе есть несомнѣнно варіація персидскаго (авестическаго) сказанія о судьбѣ человѣка послѣ смерти. Та безсмертная часть человѣка, которая остается по прекращеніи жизни въ его тѣлѣ, восходитъ на гору Альбарда, отъ которой по мосту Цинватъ или Синватъ (Cinvat, о немъ говорится уже въ гатахъ древнѣйшей части Авесты Yasna I, 13; LXV, 10) идетъ къ Агура-Маздѣ. Нечестивые низвергаются съ этого мѣста въ адъ, праведные при высшей помощи проходятъ его легко и благополучно. Такъ, на развитіе позднѣйшаго ученія парсизмъ оказалъ вліяніе и вліяніе даже

значительное, но едвали онъ могъ оказать его на коранъ, слагавшійся не въ Персіи и подъ воздѣйствіемъ религіи, въ которыхъ позволительно отрицать слѣды парсизма (на нѣкоторыя гностическія секты парсизмъ вліялъ, но ихъ вліяніе не сказалось въ коранѣ).

Описанію рая (фирдудъ, дженеть=садъ) и ада (геенны) посвящено много мѣстъ въ коранѣ (отмѣтимъ: 2, 23; 3, 13; 4, 60; 10, 9; 13, 22, 23, 35; 19, 61—63; 35, 30; 36, 54—57; 37, 39—47; 38, 50—52; 39, 21; 43, 69—70; 47, 16—17; 55, 46, 56—78; 56, 10—37; 57, 21; 76, 11—22 эти и многія другія о раѣ; описаніе ада дается въ 4, 59; 6, 128; 7, 36—39; 11, 108, 109, 120; 13, 25; 14, 18—19, 50—51; 35, 34; 37, 50—68; 38, 55—64; 39, 48; 40, 10 и многіе изъ слѣдующихъ стиховъ: 47, 17, 29; 50, 29; 56, 40—56; 67, 5—12; 71, 19—24; 74, 27—31 и др.). Роскошныя сады, плодовые деревья, роскошныя яства и питія, дорогія одежды, прекрасныя дѣвы и жены, благочестивое настроеніе, общій миръ—вотъ въ схематическомъ видѣ представленіе рая. Картина ада такова: жизнь въ цѣпяхъ и ошейникахъ среди чернаго дыма въ страшномъ адскомъ жилищѣ, нескончаемое гореніе въ смолѣ, потому что сгорающее тѣло будетъ непрестанно замѣняться новымъ. Питаніемъ будутъ плоды терновника Дзарисъ и дерева Цаккумъ, плодами послѣдняго являются головы дьяволовъ, это питаніе будетъ усиливать голодь и жечь внутри тѣла, пить грѣшники будутъ помой и гной. Ихъ стоны будутъ наполнять адъ. Въ дополненіе къ этимъ основамъ есть нѣкоторыя мѣста, на которыхъ должно остановиться. Такъ, объ условіяхъ для того, чтобы оказаться въ раю, говорится: сражайтесь поспѣшно и получите рай. Какъ будто одного этого условія борьбы съ невѣрными достаточно для того, чтобы оказаться въ раю. Далѣе, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ можно вывести, что всѣхъ мусульманъ ожидаетъ рай, а немусульманъ—адъ. Проводится въ коранѣ мысль, что жены какъ будто будутъ введены въ рай ради заслугъ своихъ мужей. Но большею частію условія для жизни въ раю поставляются кораномъ иныя. Рядомъ съ чувственными картинами рая въ коранѣ блаженство опредѣляется, какъ созерцаніе лица Божія. Нужно помнить, что во всемъ коранѣ до послѣдней его строчки строго проведена идея духовности Божества. Ангелы не чужды матеріальности, но Богъ безусловно ду-

ховень. Въ такомъ случаѣ и созерцаніе лица Его можетъ быть только духовнымъ, но тогда и райское блаженство, значить, имѣеть духовный характеръ. Дѣвы корана (гуріи), назначеніе которыхъ служить женами праведниковъ, вѣчно сохраняють дѣвство. При буквальному пониманію этого получается не только нѣчто неестественное, но и циничное. Но если самыя брачныя отношенія въ раю должны мыслиться духовно, тогда въ этомъ ученіи можно найти значительный смыслъ.

Въ замѣчаніяхъ объ адѣ есть одно загадочное мѣсто. „Богъ получаетъ души въ минуту смерти. Онъ получаетъ ихъ также отъ тѣхъ, которые спятъ, не умирая. Онъ сохраняетъ тѣ, которымъ сулилъ смерть, а другія отсылаетъ до назначеннаго предѣла. Въ этомъ навѣрное есть знаменіе для тѣхъ, которые размышляютъ“. Изъ этихъ словъ какъ бы выходитъ, что сонъ и смерть одно и тоже—удаленіе души изъ тѣла къ Богу, только сонъ есть временная смерть. Какъ же нужно понимать смерть не такъ ли, какъ постоянный сонъ? Безъ грезъ или съ грезами, но смерть во всякомъ случаѣ для всѣхъ людей представляется пребываніемъ у Бога. Значить, и нечестивые находятся у Бога. Трудно понять этотъ пунктъ въ ученіи Магомета. Но какъ бы то ни было, пробужденіе грѣшника отъ смерти будетъ ужаснымъ. Будутъ ли эти ужасы вѣчными? Вотъ какой отвѣтъ мы находимъ въ коранѣ. „Нѣкогда, когда (Богъ) соберетъ всѣхъ, Онъ скажетъ геніямъ: собраніе геніевъ, вы очень развратили людей. Господи! скажутъ ихъ приверженцы изъ людей, мы оказывали одни другимъ взаимныя услуги. Вотъ мы и дошли до предѣла, который Ты назначилъ. Огонь будетъ вашимъ жилищемъ, отвѣтитъ Богъ, *вы останетесь тамъ на вѣки, если Богу не будетъ угодно иное; ибо Онъ мудръ и знающъ*“. Въ другомъ мѣстѣ говорится: „отвергнутые будутъ ввержены въ огонь; тамъ они будутъ издавать вздохи и рыданія. *Тамъ они проживутъ, пока просуществуютъ небеса и земля, если Богъ не захочетъ иначе*. Господь твой творить, какъ желаетъ“. Въ этихъ словахъ прямо утверждается, что мученія грѣшниковъ когда-либо кончатся. Слова содержатъ въ себѣ суровыя прещенія, но въ вводныхъ предложеніяхъ содержится намекъ, возбуждающій надежду, что Божественная воля захочетъ нѣкогда сокрушить и двери ада. Поучительно соп-

ставить второй изъ приведенныхъ стиховъ съ непосредственно слѣдующимъ за нимъ изреченіемъ о судьбѣ праведныхъ. „Блаженные будутъ въ раю; они проживутъ тамъ, пока просуществуютъ небеса и земля, развѣ только Господь твой захочетъ прибавить такое благодѣяніе, которое не прекратится“. Что представляютъ эти слова? Магометъ изобразилъ адъ и рай, какъ конечную участь созданій и потомъ ему какъ бы представилось, что первые наказаны слишкомъ сильно, а вторые всетаки награждены слишкомъ мало. Его теорія десятикратной награды и наказанія соразмѣрнаго преступленію отступила назадъ предъ мыслью о безпредѣльной благодати Аллаха. Онъ боится говорить въ данномъ случаѣ объ этой благодати слишкомъ ясно, онъ выражается условными намеками, за которыми однако не трудно отгадать вѣру въ безусловное торжество добра и блаженства по скончаніи вѣковъ.

С. Глаголевъ.
